

Елена Степанян

Егорушка

Повесть о художниках

Елена Степанян

Егорушка. Повесть о художниках

«Интермедиатор»

2020

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

Степанян Е. Г.

Егорушка. Повесть о художниках / Е. Г. Степанян —
«Интермедиатор», 2020

ISBN 978-5-91349-093-3

Автор, лауреат золотой награды Евразийской премии в номинации «Шедевры драмы» и премии «Terra Incognita» в номинации «Поэзия времен», предлагает читателю новое масштабное поэтическое повествование. Отталкиваясь от жизнеописания замечательного русского художника Алексея Егорова (1776–1851), автор рисует широкую культурно-историческую панораму эпохи от Высокого Возрождения до XX века. Тайны великих художественных произведений, религия и искусство, художник и власть, Россия и Европа, Церковь и масонство, мировые войны и их мотивы, нации и их характеры и многое другое – охват затронутых в произведении тем просто поражает, их авторские интерпретации глубоки, неожиданны, порой небесспорны и всегда увлекательны. Настоящее электронное издание содержит множество высококачественных иллюстраций, помогающих восприятию основного текста. Для всех интересующихся культурой и любящих поэзию.

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

ISBN 978-5-91349-093-3

© Степанян Е. Г., 2020

© Интермедиатор, 2020

Содержание

Вступление	7
Часть первая	9
Глава I	9
Глава II	17
Часть вторая	31
Глава III	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Грантовна Степанян

Егорушка. Повесть о художниках

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

© «Интермедиатор», электронное издание, 2020.

* * *

А. А. Васильев. Фрагмент картины «Портрет художника Алексея Егоровича Егорова», 1845 г.

р

Вступление

I

До того мы, Господи, пред Тобою грешны,
Что на белый свет поглядеть стыдно.

До чего же Тебе с нами трудно! –
А ведь вся земная твердь
У Тебя – что порошок.

Не хотим Тебе помочь,
Лишь грехи свои множим...
Закрываем глаза руками,
Чтобы ангелов Твоих не видеть.
Горстка праха в руке
Всех чудес Твоих нам дороже.

Как печально на земле,
И как больно!
Плачут люди день-деньской,
И ангелы плачут с ними.

Кто же плачущих ангелов утешит?
Кто работу им даст

По плечу, по размаху крыльев,
Чтоб они в земной печали не скучали...

II

Снится бабочке, что она –
Седовласый Чжуан-мудрец,
Апельсиновой роще
Снятся приволжские степи...
Смуглоскулые люди гонят стада овец...
На край Вселенной
Ты можешь забросить меня,
И все равно найдешь,
И возвратишь в свои объятия.
Родимый! Кроме Тебя,
Ничего не хочу знать я.

Ты песнь моя,
Нескончаемое изумленье.
Не насытится слышаньем слух,
И глаз не насытится зреньем.

Часть первая

Глава I

Как во дни пугачевского бунта
Захотели калмыки бежать
От недоброй царской власти.
Погрузились в тысячи кибиток,
Устремились на Восток,
В страну, где царит правда.
Ах калмыки! На земле не найти правды.
Нет ее на Востоке
И на Западе тоже нету.

Как на кочках высоких, на ухабах
Задрожала, запрыгала кибитка –
Выпал из нее Егорушка-младенец.
Тотчас ангелы Божии его подхватили,
Чтоб на землю упав,
Егорушка не ушибся,
Чтоб его колеса тяжелые не задели.

Принесли Егорушку ангелы
В улус опустелый,

Нежили его, пели ему колыбельные песни.
Молоком поили,
Кормили медовой кашей.
Слаще ангельской пищи
Только ангельская ласка.

А тем часом прознали власти,
Что калмыки надумали искать правды.
Воспылали на них лютой злобой.
(В царстве лжи самое слово «правда» ненавистно).
Посылали в погоню за ними казаков,

Даже тут налгать изловчились:
– Как бы им, калмыкам,
В тех степях не потеряться.
Да и где же им еще найти счастье,
Ежели не под нашим игом?

...А как только приблизились к шатру казачьи кони,

Перестал Егорушка ангелов видеть.
Испугался он, завопил,
Заплакал горько.
Да и скоро утешился –
Входят в шатер люди,
И глазам не верят:
По всему видать, что давно покинуто становье,
А в шатре сидит
Румяный круглощекий младенец,
И уже не плачет,
А тянет к ним ручонки.

Умилились Егорушке бородатые казаки,
Целовали его, прижимали к сердцу,
Порешили везти в Москву –
В воспитательный дом пристроить.
Там и кормить будут,
И научат, чему надо.

Добрались, наконец, до Москвы,
До Крестьянской заставы,
Сели в трактире, рядят да судят:
– На Москве сиротских домов,
Почитай, с десяток!
Как бы выбрать для него, голубчика, самый лучший,
Где не держат сироток впроголодь,
Не секут слишком больно,
Где не мрут они в грязи
От заразных болезней.

Тут распахивается дверь
И в трактир входит
Батюшка-поп, до того осанистый и важный –
Борода густая, крест на персях сияет.

Все трактирные пришли в великое смущенье.
– Это ж наш отец Михаил, настоятель.
Сроду он в трактир не хаживал.
Вот бутылки с вином отменным
Ко всем праздникам принимались благосклонно.

Говорит отец Михаил:
– Шел я мимо, дети,

Слышу, спор идет горячий,
Как бы не дошло до драки!
И решил стать судьей
В вашем споре.

– Батюшка, тебя нам ангелы послали! –
Закричали обрадованные казаки.
Изложили ему свое дело,
А он ответствует важно:
– На Москве все сиротские дома
Один другого лучше.
Может ли быть иначе под государевым попеченьем?
Да вот только ни один из них не сравнится
С тем, что в нашем приходе,
В десяти шагах отсюда.
Все трудящиеся в нем –
Духовные мои чада.
Будь я сам сиротой –
Не желал бы лучшей заботы.

Взял он Егорушку на руки,
Тот его, как мать родную, обнял –
И отправились в путь. А казаки
Крестятся им вослед
И Бога славят.

А наутро стучит к настоятелю келейник:
– Дожидают тебя, батюшка,
Из воспитательного дома.
Ты им сам, говорят, в этот час
Прийти назначил,

Дабы день избрать
Для крестин подходящий.

– Сам назначил? Какие крестины?
– Обретенного в степях калмыцкого младенца,

Коего накануне ты им лично доставил.
У отца Михаила мороз пошел по коже,

Аж власы на голове зашевелились.

Он же после службы
Не то что не выходил за ограду,
А, напротив, поскорее у себя затворился,
Чтобы власть побеседовать с заветной бутылью.
Господи Иисусе! Есть на свете бедолаги,
Что гуляют во сне,
Аж по краю крыши ходят.
А проснувшись, начисто ничего не помнят.
Мог и я по грехам своим угодить в их кумпанью!

Но откуда младенец? Да еще калмыцкий?

Как сознаться? Господи! Упаси от позора!
Сжалься, смилуйся! Ты ведь все можешь!

Встал он, приосанился,

Кивнул важно.

– Ну, проси гостей!

А сам раскрывает Святы.

– Что же! Завтра у нас Алексей, человек Божий.

Лучшего имечка и искать не надо.

Те обрадовались:

– Какая удача! Повар наш Егорий Егоров

Восприемником быть хочет.

А по батюшке он как раз Алексеич.

Так Егорушка в первый раз побывал в церкви.

До того ему, голубчику, там хорошо показалось!

А как стал подрастать,

Ума не приложат, что с ним делать –

Не силком же уводить мальчонку из храма.

С той поры, как стал он различать

Между сном и явью,

Ангелы ему только во сне являлись,

Наяву они, само собой, его не покидали,

Но незримо.

Ну а в храме Божьем ангелам куда как привольно.

Заберутся под самый купол

И светят оттуда очами.

А Егорушка стоит внизу

И весь от счастья сияет.

А на Пасху раз –

Пяти годков еще не сровнялось –

Раздобыл уголек

И на стене сарая побеленной

Начертал, да так красиво и ровно:

– Христось Воскресе!

Отвели Егорушку к детишкам постарше,

Стал он с ними учиться и грамоте, и счету.

И однажды, когда все из класса вышли,

Подтащил скамейку под грифельную доску,

Взобрался с ногами,

Схватил кусок мелу

И таких двух ангелов нарисовал,
Словно целый век рисовать учился.

Весь сиротский дом сбежался
Теми ангелами любоваться.
А Егорушка нисколько не гордится,
А смеется и от радости пляшет.
– Ну, голубчик, рисуй себе вволю.
Хоть и дорога бумага, будет тебе и бумага.
А уж мелом – рисуй где тебе угодно.

А в столице уже рескрипт готовят
И во все концы рассылают.
Велено выявлять к рисованью способных
И везти в Петербург в Академию художеств.

Повезло Егорушке –
Попал под рескрипт под свежий.
Свежий-то рескрипт всегда исправно выполняют,
А через год про него и позабыть могут.

.....
.....

До чего же в Академии прекрасно!
Вся она – как сказочный город.
А каким наукам там учат!
Да они лучше любых сказок.

А. Е. Егоров «Автопортрет» (в юношеском возрасте), 1803 г.

с

Учителя Егорушкой довольны,
Сам все схватывает,
Ничего объяснять не надо.
Только вот француз порой смеется:
– Правильно говоришь, да вот с большим опозданием,
Так, поди, пятьсот лет назад говорили.

Дни идут неспешно,

И каждый новый день сулит радость.
Но подкралась к Егорушке тревога.
Видит он – за окнами все темнее, да темнее.
В темноте встаем,
В темноте гулять выходим,
Солнышко неяркое только взошло –
И уже его нету.

– Что же с нами будет, Илья Матвеич? –
Спрашивает у наставника Егоров.
– Неужели совсем во тьму погрузимся,
Будем жить со свечками да с луною?

– Потерпи, Алешенька, – отвечал наставник –
Вот пройдет столько-то да столько-то денечков,
Свет начнет прибывать,
А потом такие светлые дни настанут,
Что и не увидим, как солнце заходит.

Как обрадовался Егорушка:
– Да это же как в Божьем граде:
*И языцы спасены во свете его пойдут,
И нощи не будет ту.*

Изумился наставник, сказал учителю Закона Божья:
– Калмычонок-то наш попом родился.
Не пойти ли ему по духовной части?

– Что ты, что ты, Матвеич! –
Замахал тот руками.
– Ты не знаешь, как поповский хлеб горек.
А хороший художник сам себе хозяин.
Он и в церкви сгодится,
И в военном министерстве.

Учится Егорушка, усердствует, рисует.
Гречневую кашу запивает шипучим квасом.
Всех он любит, и все его любят.
И так было бы хорошо,
Когда б не эта птица.

Просыпается Егорушка до того, как зазвенит колокольчик,
А она уже сидит снаружи на оконной раме.
Поскребет по стеклу коготком,
Аж не вмоготу от этого звука.
А потом не то запоеет, не то застонет,
Ну до того тоскливо!

А порой они вдвоем приходят

Та, другая, не поет, не плачет,
Втянет голову, вся сожмется
И дрожит печальным комочком.

– Как же им помочь? Чем же их утешить? –
Думает Егорушка и наконец догадался.

Встал он тихонько, чтоб не разбудить других ребяташек,
Подошел к окну и сказал птицам:

– Страшно вам, что день ото дня все темнее?

А вы не плачьте, вы терпенья наберитесь.

Скоро станет светлеть,

А потом придет день – такой прекрасный!

Все будут петь от радости,

А ночи совсем не будет.

Глава II

Ночь в Петербурге.
Кому снятся сны, а кто спит без снов.
Кто уснуть мечтает,
Кто Вольтера листает,
А в Михайловском замке
Императора убивают.

Сбрасывает Егорушка одеяло,
Расправляет богатырские плечи,
В Академию пора,
Других учить рисованью.
Самому заодно учиться.
– Далеко до смерти, –
Усмехается Алексей Егорович –
Многому еще успеем научиться.

Пришел – а вся Академия ходуном ходит.
– Занятий не будет.

Михайловский замок. Макет-реконструкция, созданный в архитектурной мастерской О. С. Романова, 1997 г.

В церковь, скорее в церковь!
Государь этой ночью скончался.

– Господи! Отмучился наконец и всех отмучил.
А вторая мысль о себе:
– Ну теперь уж точно в Италию возжеленную поеду.

А в церкви народу!
Напирают сзади,
Притиснули Егорушку к колонне.
Вполоборота он на всех смотрит.
Боже Святый! Что же у них на лицах!
Ни вымученной скорби,

Ни радости плохо скрываемой.
Переглядываются и сразу глаза в пол опускают.
Священников не видят и не слышат,
Перекреститься вовремя не могут.
Ну, все понятно. И всем все понятно.

Но сколько сегодня народу набежало,
Будто назло.
Вон Рокотов стоит.
Сто лет его тут не видели, да еще в такую рань.
Скрючился весь, на лице гримаса.
Могли бы и привыкнуть, Федор Степанович.
Не первое на вашем веку цареубийство.

А в дверях Ванюха Теробенёв,
Ученик Егорушкин и приятель.
Двадцати лет еще не сровнялось якобинцу.
На роже большими буквами «Долой тиранов».
Эх, Теробенёв!
Твоего Людовика судили принародно
И по приговору суда казнили,
А жена и дети убийц не покрывали,
Не говорили, что сам собой умер.
Господи! Ну а вдруг все это правда?
Умирают же люди своей смертью.
Мы были бы счастливы.
Все говорят – Александр добрый.

Голос дьякона под купол уходит.
Никогда я не могу следить за службой.
Всё куда-то мысли уплывают.
Ну их, мысли. Душа сама по себе
Молится и днем, и ночью.
Небо и небо небес Тебя не вмещают,
Тем менее храм сей.

Мартос говорит, что Микеланджело
Ночами в саду молился.
Кто-то ему рассказывал в Риме.

Но я не вижу Мартоса...
А-а, он совсем рядом.
И слезы текут по щекам.
Хоть один тут плачет.
Покойный надавал ему заказов,
Можно сказать, богатым сделал.
Кого же как не его?
У Мартоса своих детей косой десяток,
Да еще полон дом сирот и бобылей убогих.

Но Павел, безумец несчастный!
Да с ним никакой сирота не сравнится.
Жить, зная, что мать отца убила
И тебе ежечасно желает смерти.
Вот и «чти отца и мать»...
А по углам шепчут,
Что он не сын Петра вовсе,
А незнамо чей.

Кто же ты есть, если целая заповедь
Не про тебя писана?
Отверженный Богом?
Как тут не впасть в безумие!

А. Г. Варнек «Портрет скульптора Ивана Петровича Мартоса», 1819 г.

р

Егорушка взглянул направо и ахнул –
Андрей Воронихин!
Но его же тут не было,
С полминуты назад на этом месте
Стоял какой-то седоволосый барин.
Но это же он, его ни с кем нельзя спутать.
Егоров с ним не знаком,
На выставках только видел,
Царственной его красотой любовался.
Но откуда же взялся?

Ах, не все ли равно!
Господи, как его люблю,
Он Твое чудо.

Крепостным родился, в рабских цепях
Двадцать шесть лет жил,
Художник и зодчий,
Ромм-вольтерьянец потребовал ему свободы,
Стыдно стало хозяину перед Вольтером.

У Егорушки слезы брызнули из глаз.
Мартос увидал и пуще заплакал.
А на улице пожал ему руку, обнял.
– Ты на очереди в Италию, Алексей,
Ты заходи ко мне почаще,
Я тебе их обычаи растолкую,
Поучу итальянскому.
Красивый язык и легкий.
Я чуть не с первого дня все понимал,
Через месяц болтал свободно.

– Егоров, ты с нами?
Императора помянем, закусим.
– Нет, я домой, я к вам подойду попозже.

У прохожих на лицах такая радость!
Солнце сияет, весна началась в одночасье.

Апостол сказал, что нет власти не от Бога.
Дьявол говорит – «все царства отданы в мою руку».

Смилуйся, Господи, над несчастным отцеубийцей!
Не взыщи с нас, грешных, невольного соучастия.

Двое слуг у Егорушки.
Одного за глаза быхватило.
Да куда девать дурака-француза?
Прежний хозяин подобрал его в Лионе,
Довез до Петербурга
И за никчемностью выгнал.
А что тут скажешь?
Спать Филипп умеет несравненно.
А когда не спит, то без умолку болтает.
Хорошо еще – гулять выходит.

– Какой прекрасный город, местье,

Какие дворцы, какие проспекты!
Мне есть с чем сравнить,
Я бывал в Париже.
И люди здесь так добры,

Так подают щедро.
А слышат французскую речь,
Так еще дадут вдвое.
Вот, правда, свой брат нищий
Не всегда такой добрый,
И отнять могут, и побить,
Да еще попрекнут дармовым русским хлебом.

Но как мы с вами, месье,
Теперь живем прекрасно,
За квартиру не платим,
Дрова и свечи подвозят.
Правильно я говорю по-русски?
Живем, как у Христа за пазухой.
Только Тихон вот совсем не так доволен,
Даже если заставишь Филиппку
Что-нибудь поделывать,
Все равно переделывать придется.

– И долго вы будете терпеть это, барин?
– Тихон, у тебя откуда зипун зеленый?
– Я же сказывал вам, Алексей Егорович,
Он дядь-Гришин,
Тетки моей, тетя-Маши, мужа.
Сделался ему тесен, так мне отдали.

– Ну вот видишь, Тихон, а у Филиппа
Нет никакой тетки,
Теткину мужу, стало быть, неоткуда взяться.

.....
.....

– Жить можно только в России, – приговаривает Мартос, –
Ты, Алешенька, такой рисовальщик!
Подучиться немного – тебе равных не будет.
Там сейчас художники не те, что прежде.
Подлинно велик один Антонио Канова.

А. Канова «Три грации», 1813–1816 гг.

р

Наверняка тебя станут соблазнять у них остаться.
Меня, грешного, и того соблазняли.

Италия – рай земной.
И музей самый лучший в мире.
И народ веселый и добрый.
Я вообще, как приехал, будто на родине оказался.
По сей день, когда работаю – думаю по-итальянски.
А жить бы там не смог,
И ты не сможешь.
Почему – не смогу объяснить.
Как-то скучно там, тесно что ли.
У нас Москва-Петербург в одно слово произносят,
Ездят туда-сюда, как в соседние села.
А между ними столько верст!
Пол-Италии вместится – еще останется.

И вот что для меня непостижимо:
Едешь здесь – вроде бы недалеко,
Едешь там – совсем не так уж близко.

Хорошо тому, чья родня –
Несчетные ангелы Божьи.
Но и дядь-Гриша с тетя-Машей
Ангелам чем-то сродни.
Открывают кухмистерскую,
Тихо нас к себе забирают.
А вот месье Филипп вскорости получит возможность
Оценить по достоинству развалины Колизея.
Не бросать же его, мерзавца,
С голоду подохнет.
А там, глядишь, не объест. Говорит же Мартос –
Если вдруг ограбят или что еще случится,
Виноградные косточки, апельсиновые корки
Тоже пища, и весьма полезна для здоровья.

Ну а сам-то он, Мартос, свою ораву
Не косточками кормит.
Все такие веселые, гладкие,
И денег ему хватает.
И места им всем хватает.
Вот она разгадка тайны пространства –
Не трехэтажная профессорская квартира их вмещает,
А душа твоя необъятная, Мартос.

...Видит Егорушка в одном из Мартосовых окон
Детское личико, устремленное в белесое небо.
Волосы стянуты, не поймешь, девочка ли, мальчик,
Из детей ли Петровича, из сирот ли пригретых...
Но как же смотрит, как смотрит!
Ангелов видит.

Мартос его в мастерской принимает,
Потчует квасом.
– Там этой роскоши не знают,
Зато вино у них дешевле кваса.

Уходя, вспоминает Егоров про дитя в окошке.
Поднимает голову – никого там, конечно, нету.
И тут раздается сердитый голос няньки:
– Да отойдешь ты от окна?! Спать пора ложиться.

.....

.....
– Всё вычисляешь, астролог-недоучка?
Ты бы еще погадал на кофейной гуще.

– Поколотил бы я тебя, Егоров,
Кабы не знал,
Что это бесполезно.

– Я, Терebenь, людей не бью.
Я их обнимаю крепко-крепко.
Кто сумеет вырваться, пуцай меня сам колотит.
– Ладно, Геркулес Васильеостровский.
Ты посмотри, что у меня выходит.
Петра III в шестьдесят втором убили,
Ивана Антоновича в шестьдесят четвертом.
Лет ему было двадцать четыре с половиной,
Из них двадцать три он провел в заточенье.

– Что ты городишь, Ваня,
В каком заточенье?
Какой Иван Антонович? Откуда взялся?

– Российский император, mon cher,
Коронован младенцем.
Анне Иоанновне внучатый племянник.

– Почему я никогда о нем не слышал?
– Потому что римскую историю, Алеша,

Мы постигаем по книгам,
А российскую, увы, пока еще
По темным слухам.
Вот сегодня этот слух и до тебя докатился.

Что? *Не всякому слуху верьте?*
А вот полюбуйся – доказательство.

Рубль с изображением Иоанна Антоновича, 1741 г.

с

Серебряный полтинник –
На, держи! На зуб попробуй.
Дедушка мой сберег на память.
Можно сказать, проявил геройство.
Все рубли-полтинники сорок первого года
Было велено сдать на переплавку.
За хранение – пытка и вечная ссылка.
Упомянуть его запрещалось,
Все документы уничтожили, понятное дело,

Самому Времени наша власть хребет переломила.
Вслед за сороковым годом сорок второй начинался.

Смотрит Егорушка на монету –
Всё честь по чести: Иоанн III,
Божьей Милостью Импер. и Самод. Всерос.

Из-под венца – пухлая детская щечка,
В ручонке скипетр.
Всё же чеканка плохая.
Единица еще читается, семерка совсем провалилась,
И только сорок первый год выбит четко и весь сияет.

– Тринадцать месяцев процарствовал.
Тринадцать месяцев попы что есть мочи
Пели ему «Многая лета».
И соделалось по их молитве,
В каменном мешке день покажется годом.
Я как-то посчитал, сколько дней он там пробыл.
– В каменном мешке?..
– Да еще в каком! Представить страшно.
Там не то что во весь рост ни встать ни лечь,
Там сесть нельзя было.
На коленях стоял.
Чьи грехи замаливал – неизвестно.

– Но он должен был расти...
– Да нет,
В Шлиссельбург его только шестнадцати лет заточили,
А до того таскали с места на место
Где-то по Архангельской губернии.

– Ты сказал, что его убили...
– Ну конечно! Мы же не в какой-нибудь Европе,

Русские помазанники до того живучи!
Потому-то их всякий раз и убивают.

Послан был к Ивану Антоновичу ангел смерти,
В чине подпоручика по фамилии Мирович.
Размечтался он освободить беднягу,
Ну и стража прикончила обоих.

Тут перестал Терebenёв острить, посерьезнел,
Погрустнел даже.
– Дед мой, Ефим Иванович, мудрый был старик,
Он говорил, что если бы гренадеры
Не возвели тогда Елизавету,
Не разогнали бы курляндскую свору,
То Москва, конечно бы, уцелела,
А на месте Питера было бы опять болото.

Я и сам это прекрасно понимаю,
Но когда первый раз узнал в детстве,
Сам не свой ходил.
Все мне слышалось, как он плачет,

Как он бьется о каменные стены.
Ну а потом привык. Таков наш разум,
Он к чему угодно привыкает.
Ты взглянул бы лучше на мои расчеты.
Мартовские иды...
– Другой раз, Иван,
Отпусти душу на покаяние.
Хватит с меня сорок первого года.

Был человек слепой от рожденья.
И ученики Спасителя спросили:

– Рабби, чей грех человек сей несет?
Свой или родивших его?

– Не ваше это дело, – отвечал Христос.
И даровал тому человеку зренье.
А царю Иоанну была дарована смерть
Как высшая милость, от мук избавленье.

И мы все слепыми приходим в этот мир,
И бредем во тьме,
И как высшая милость
В конце дороги нам даруется смерть,
Чтобы душа о стенки тела не билась.

Жалко ему Ивана Антоновича?
Сердце молчит.
А голова кипит, сейчас разорвется.

Есть в целом мире один лишь человек,
Кого он ни разу жалости не удостоил.
Имя ему Алексей Егоров.
Океан страданий раскинулся вокруг,
И он по волнам его проходит,
Как по твердой суше.
Но если ближнего любишь,
То его страданьем страдай,
И за грехи его со стыда сгорай,
И кто же здесь ближний, кто дальний?
– Вот он приблизился, этот Иван,
Умерший полвека назад,
И еще мириады из тьмы времен на меня глядят.

Ангелы Божии к Егорушке спустились,
Дохнули на него любовью,
Отерли слезы.
А потом опять поднялись,

И так расцвели небо.
Залюбовался Егорушка закатом.

.....
.....

– Едем! Едем! –
Он готов расцеловать Карту.
Жаль, что нету Глобуса,
Он прижал бы его к сердцу.
Морем в Германию, из Гамбурга в Дрезден.
Из Дрездена до Вены.
Дрезден и Вена!
Там столько всего собрано!
От одного перечисления дух захватывает.
А от Вены рукой подать до Милана.
Медиолана, – с наслаждением выговаривает Мартос,
И также он всегда произносит *Амброджотто*.

Тихон старательно укладывает вещи.
– Да ну их, вещи! Там тепло, как в раю,
Налегке поедem.

Вот он, жилой корпус Академии художеств.
Тот же ребенок в окне. Как он вытянулся за год.
Никакой это не мальчик,

Это Вера, одна из младших Мартосовых дочек.
Егорушка взбежал по лестнице,
Подошел к ней, показал глазами на небо
И спросил с пониманием: – Есть там что-то, Верочка?
Девочка огляделась – не слышит ли кто –
И в тон ему отвечала:
– Конечно есть, Алексей Егорович,
Потому и хочется смотреть,
А как сказать – не знаю.
Тут Мартос и жена его появились шумно,
Поздравляют Егорушку, обнимают.
– Мы, Алешенька, гостей на завтра созываем
На торжественный обед в честь твоего отъезда.

А дома сияющий Тихон встречает его на пороге.
– Барин! Барин! Такая радость!
Филиппка с Вами не поедет.
Берет его за себя старая девка с деньгами.
Это все тётъ-Маша устроила, дай ей Бог здоровья!

Рябовата невеста, зато из благородных,
И сама так довольна –
Ведь не за прислугу выходит.
Как же! «Месье Филипп бежал от ужасов революции».

Ох какая обуза с плеч свалилась!
Счастье тебе, Филипика!
У Христа за пазухой места много.

Часть вторая

Глава III

В десятый, двадцатый, тысячный раз
Рассматривает Егорушка «Афинскую школу».
Закроет глаза – и она перед ним.
Сядет где-нибудь, глаз не закрывая,
И разглядывает каждую фигуру, каждый штрих.
Хочет понять, что она ему говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.